

УДК 82.091

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-2-124-136

Тема присоединения к России в литературе народов Сибири 1950–1980-х гг.

А. В. Исаков¹ ✉, А. П. Модорова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

² Томский научный центр СО РАН, г. Томск, Россия

✉ alexandr_isakov98@vk.com

Аннотация. В статье исследуются особенности воплощения темы присоединения к России в литературе народов Сибири 1950–1980-х гг. в контексте государственной политики данного периода. Материалом исследования выступают произведения алтайской, бурятской, хакасской и якутской литератур. Исследование опирается на теорию и методологию сравнительного литературоведения, а также на теорию культурной и исторической памяти. Установлено, что появление темы присоединения к России в литературе народов Сибири 1950–1980-х гг. было связано с политикой памяти данного периода. В это время в основу национальных историй народов СССР была положена концепция дружбы народов, в рамках которой особое внимание уделялось идее добровольного вхождения коренных народов в состав России, которое принесло им различные блага и стало основой дальнейшего национального развития. Появление первых литературных произведений на эту тему в литературах Сибири относится ко времени проведения юбилейных торжеств в честь годовщин добровольного вхождения местных народов в состав России, что доказывает связь между данными явлениями. Также известно, что в писательском сообществе с 1950-х гг. распространялась установка уделять особое внимание теме дружбы народов и положительной роли России и русских в истории народов Сибири. В пределах литературного дискурса эта идея нашла воплощение в произведениях различных жанров: исторических поэмах, пьесах, романах, посвящённых эпохе присоединения к России, а также в ряде стихотворений, прославляющих патриотизм народов Сибири и благотворное влияние Российского государства и русской культуры на их историческую судьбу. Для данных произведений характерно обращение к историческим фактам, которые в советское время трактовались как проявление дружбы народов Сибири с Россией, а также к фольклорным преданиям, интерпретировавшимся в том же ключе. Все эти произведения можно рассматривать как своеобразный гипертекст, сформировавшийся в литературах Сибири 1950–1980-х гг. вокруг темы присоединения к России и отразивший соответствующую тенденцию политики памяти данного периода.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, советский исторический нарратив, присоединение Сибири, добровольное вхождение в состав России, советская многонациональная литература, алтайская литература, бурятская литература, хакасская литература, якутская литература.

Для цитирования: Исаков А. В., Модорова А. П. Тема присоединения к России в литературе народов Сибири 1950–1980-х гг. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, №2. С. 124–136. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-2-124-136

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000259 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»).

The theme of joining Russia in the literature of the peoples of Siberia in the 1950s–1980s

A. V. Isakov¹ ✉, A. P. Modorova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia

² Tomsk Scientific Center SB RAS, Tomsk, Russia

✉ alexandr_isakov98@vk.com

Abstract. The article examines the features of the embodiment of the theme of joining Russia in the literature of the peoples of Siberia in the 1950s–1980s in the context of state memory policy of this period. The research materials are the works of Altai, Buryat, Khakass and Yakut literature. The research is based on the theory and methodology of comparative literature, as well as on the theory of cultural and historical memory. It has been established that the appearance of the theme of joining Russia in the literature of the peoples of Siberia in the 1950s–1980s was associated with the memory politics of this period. At this time, the basis of the national histories of the peoples of the USSR was the concept of friendship of peoples, within the framework of which special attention was paid to the idea of the voluntary entry of indigenous peoples into Russia, which brought them various benefits and became the basis for further national development. The appearance of the first literary works on this topic in the literature of Siberia dates back to the time of anniversary celebrations in honor of the anniversaries of the voluntary entry of local peoples into Russia, which proves the connection between these phenomena. It is also known that in the writing community since the 1950s the directive was spread to pay special attention to the theme of friendship of peoples and the positive role of Russia and Russians in the history of the peoples of Siberia. Within literary discourse, this idea was embodied in works of various genres: historical poems, plays, novels dedicated to the era of annexation to Russia, as well as in a number of poems glorifying the patriotism of the peoples of Siberia and the beneficial influence of the Russian state and Russian culture on their historical destiny. These works are characterised by an appeal to historical facts, which in Soviet times were interpreted as a manifestation of the friendship of the peoples of Siberia with Russia, as well as to folklore legends, interpreted in the same vein. All these works can be considered as a kind of hypertext, formed in the literature of Siberia in the 1950s–1980s around the theme of joining Russia and reflecting the corresponding trend in the politics of memory of this period.

Keywords: historical memory, politics of memory, Soviet historical narrative, annexation of Siberia, voluntary entry into Russia, Soviet multinational literature, Altai literature, Buryat literature, Khakass literature, Yakut literature.

For citation: Isakov AV, Modorova AP. The theme of joining Russia in the literature of the peoples of Siberia in the 1950s–1980s. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 2. Pp. 124–136. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-2-124-136

The research was carried out with the state assignment (project No. 121031000259 “Ethnocultural identity in the architectonics of folklore and literary texts of the peoples of the Baikal region”).

Введение

В литературе народов Сибири 1950–1980-х годов обнаруживается довольно значительный пласт произведений, так или иначе связанных с одним историческим событием – присоединением этих народов к Российскому государству. Тем не менее до настоящего момента в литературоведческой науке эти произведения не становились объектом комплексного исследования. Мы же полагаем, что такое исследование является актуальным, поскольку оно позволило бы выявить важные закономерности, определявшие развитие национальных литератур Сибири в советский период и в особенности – изображение в них национального прошлого.

Наша гипотеза заключается в том, что возникновение темы присоединения к России в литературе народов Сибири 1950–1980-х годов обусловлено идеологическим контекстом эпохи и воплощение этой темы в литературных произведениях следует рассматривать как одно из проявлений советской политики памяти в отношении национальных историй коренных народов региона. Именно это мы и попытаемся доказать в настоящей работе.

Цель исследования – установить особенности воплощения темы присоединения к России в литературе народов Сибири 1950–1980-х гг. в контексте государственной политики памяти данного периода.

Задачи исследования:

- 1) определить связь советской политики памяти с возникновением темы присоединения к России в литературе народов Сибири в 1950–1980-е гг.;
- 2) рассмотреть специфику воплощения темы присоединения к России в произведениях разных жанров;
- 3) выявить роль фольклорных традиций и документальных источников в генезисе произведений о присоединении к России.

Основной материал исследования составляют произведения четырех литератур: алтайской, бурятской, хакасской и якутской, созданные в период 1950–1980-х гг. и соответствующие теме, обозначенной в названии статьи.

Исследование опирается на теорию сравнительного литературоведения, в первую очередь – на концепцию типологических схождений, характерных для литератур, развивающихся в одинаковых социокультурных условиях [1]. Также мы рассматриваем литературу через призму теории культурной и исторической памяти. Наиболее значимой для нас является концепция Я. Ассмана, согласно которой письменные тексты используются для закрепления в общественном сознании представлений о прошлом, лежащих в основе национальной и государственной идентичности [2]. Ещё одним важным для данного исследования понятием является политика памяти. Под ней подразумевается «деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования» [3, с. 291]. Советскую литературу мы рассматриваем именно как один из объектов и одновременно инструментов государственной политики памяти, что и постараемся продемонстрировать в последующих разделах статьи.

Идеологический контекст темы присоединения к России в литературе 1950–1980-х гг.

Как уже было показано в научных работах, национальные истории находились в сфере внимания советского государства почти с самого момента его основания. Причем если в 1920–начале 1930-х гг. советская политика памяти характеризовалась стремлением к полному разрыву с имперским прошлым России, которую рассматривали как «тюрьму народов», то в дальнейшем возобладали идея преемственности между Российской империей и Советским Союзом. Постепенно официальная риторика перешла от критики российского империализма к тезису о том, что присоединение к России было полезно для самих присоединенных народов. Наконец, «во время войны и особенно в послевоенное время утвердилась схема, согласно которой народы Советского Союза исторически устремились друг к другу, особенно к «старшему брату» – русскому народу» [4, с. 205]. Процесс создания новых национальных историй на основе концепции «дружбы народов» довольно подробно рассмотрен в трудах историографов – специалистов по советской исторической науке [5, 6].

Если говорить конкретно об исторических процессах включения сибирских территорий в состав Русского государства / Российской империи, то анализ отечественной историографии от XVIII в. до современности показал, что исследователи имперского периода однозначно трактовали эти процессы как завоевание; в раннесоветский период –

как колонизацию, предпринятую исключительно политикой царизма; затем постепенно в научный оборот историков входит понятие «присоединение», включающее в себя идеи и завоевания, и добровольного вхождения; а уже в 1960–1970 гг., согласно идеологическим установкам на интернационализм и дружбу народов, концепция «присоединения» (преимущественно мирными методами и добровольного характера) стала господствующей в советской исторической науке [7].

Смена господствующей точки зрения на историю присоединения Сибири ярко отразилась в региональной политике памяти. В 1950-е гг. во всех сибирских республиках и автономных областях впервые проходят юбилейные торжества в честь годовщин добровольного вхождения местных народов в состав России: в 1956 г. отпраздновали 200-летие вхождения алтайского народа в состав России, в 1957 – 325 лет со дня вхождения якутов, в 1958 – 250-летие вхождения Хакасии¹ (которое, согласно официально принятой дате вхождения (1707), пришлось на 1957 г., но празднество было перенесено на год позже из-за совпадения с датами торжеств в Якутии и Кабарде), в 1959 – 300-летие вхождения Бурятии. Стоит сказать, что с середины 1950-х годов такие юбилеи становятся важной частью национальной политики во многих регионах СССР, не только в Сибири [5]. Празднование этих юбилеев сопровождалось информационной кампанией, в ходе которой распространялась новая официальная концепция истории сибирских народов. В частности, были выпущены сборники статей, написанных видными национальными учеными, общественно-политическими и культурными деятелями, в которых на конкретном материале истории каждого народа раскрывался смысл концепции «добровольного вхождения»: приводились исторические аргументы, доказывающие, что присоединение к России было для алтайцев, бурят, хакасов и якутов наиболее выгодным и закономерным политическим выбором, что только благодаря вхождению в состав Российского государства эти народы получили возможность экономического и культурного развития; все последующие светлые страницы национальной истории напрямую связывались с прогрессивным влиянием России и русских. Межнациональные отношения коренных народов Сибири с русскими рассматривались не иначе как исконная и нерушимая дружба, о чем говорят сами названия этих книг: «250 лет вместе с великим русским народом» [8], «300 лет нерушимой дружбы» [9], «325 лет вместе с русским народом. 1632–1957» [10], «Великая дружба. 200 лет добровольного вхождения алтайцев в состав России» [11].

Вслед за научными и публицистическими текстами новый взгляд на национальную историю, продвигаемый в рамках политики памяти советского государства, начинает отражаться в художественной литературе. О том, что обращение национальных авторов к теме «добровольного вхождения» было не случайным, свидетельствуют материалы писательских конференций, проходивших в середине XX века в регионах Сибири. Одна из них состоялась в 1951 г. в Горно-Алтайске [12]. В предисловии к сборнику материалов конференции редакционная коллегия отметила необходимость развития темы «исторической миссии великого русского народа для судеб алтайцев» [12, с. 7]. В докладе авторитетного писателя А. Л. Коптелова на примерах из украинской и хакасской литератур критикуются произведения, в которых национальная тема поднимается в отрыве от единства народов СССР или отражаются конфликты коренных народов с русскими, имевшие место в прошлом [12]. Он подчеркивает, что «долг писателей Горного Алтая – на новом этапе развития социалистического хозяйства показать, как русские люди, представители партии, продолжают оказывать помощь алтайцам в великой созидательной работе» [12, с. 97]. В резолюции, составленной по итогам конференции, писателям Горного Алтая рекомендовалось писать произведения на актуальные темы современности, в числе которых отмечены «советский патриотизм, дружба народов СССР» [12, с. 119]. Таким образом, уже в начале 1950-х гг. от алтайской

¹ Символический камень «Здесь будет заложен монумент в честь 250-летия присоединения Хакасии к России». URL: <https://arhiv.r-19.ru/upload/iblock/70e/70ea0d37ba724617defe503c0211e477.pdf>.

литературы (как, очевидно, и от литератур других народов Сибири) ожидают произведений, которые подчеркивали бы единство народов Советского Союза, а также позитивное влияние России и русских на историческую судьбу других народов.

И уже вскоре такие произведения начинают появляться в алтайской, бурятской, хакасской и якутской литературах.

Воплощение темы присоединения к России в произведениях различных жанров

В числе наиболее ранних текстов, где отразился новый взгляд на национальную историю народов Сибири, утвердившийся в 1950-е гг., – поэмы бурятского писателя Хоца Намсараева «Сказание о великой дружбе» (Агуухэ хани барисаан тухай домог, 1955) [13] и хакасского писателя Моисея Баинова «Думы о степи» (Чазыдаңар сағыстар, 1962) [14]. Обе они представляют собой краткое изложение исторического пути бурятского и хакасского народов, при этом реальных исторических деталей в них не так много, гораздо больше – идеологических клише, прямо связанных с советским дискурсом о прошлом народов Сибири. В поэме Х. Намсараева повествуется о том, как однажды бурятские старейшины, желая принести благо своему народу, решили призвать на свою землю могучих русских богатырей, после чего жизнь бурят разительно изменилась к лучшему. Затем речь идет уже о событиях XX века – революции и строительстве нового советского общества, где давняя дружба бурят и русских продолжает приносить новые плоды. Исторический нарратив в поэме М. Баинова построен ровно по той же схеме: двумя его опорными точками становятся момент призвания русских и революция. Хакасы, страдающие от нападений джунгаров, обращаются к русскому царю Петру I с просьбой взять их под свою защиту, и после этого на хакасскую землю приходят русские казаки, самоотверженно сражающиеся за свободу хакасов. Скрепив дружбу в совместной борьбе, спустя два века хакасы и русские уже участвуют в новой борьбе – революционной – и вместе строят новое, счастливое общество.

Более обстоятельно советский взгляд на историческую судьбу народов Сибири раскрывается в драматических произведениях, посвященных эпохе их присоединения к России.

В 1958 г. бурятский драматург Намжил Балдано написал пьесу «Побратимы» (Анда нүхэд) [15], которая стала основой для либретто одноименной оперы, представленной в рамках празднования 300-летия добровольного вхождения Бурятии в состав России. По сюжету пьесы, бурятские охотники страдают от притеснений богача Бурбона и во главе со своим предводителем Булган-Табитой отправляются к Петру I, чтобы просить у него защиты. Русский царь отправляет на бурятские земли казаков, и они помогают одолеть Бурбона с его войском. С этого начинается история дружбы между бурятским и русским народами. Отметим, что поход бурят к Петру I действительно имел место в начале XVIII века, правда, на тот момент буряты уже были подданными России, а в своем обращении к царю они просили защиты от самоуправления казаков. В остальном содержание пьесы не имеет ничего общего с известными нам фактами из истории бурят и является исключительно художественным вымыслом драматурга.

К периоду присоединения Якутии к России обратился в своей пьесе «Серебряное стремя» (Үрүн көмүс ингэһэ, 1974) [16] Иван Гоголев. Сюжет пьесы во многом основан на преданиях о легендарном правителе якутов Тыгын Дархане, который в пьесе выступает под измененным именем Нюсэр (Нүһэр) Дархан. Нюсэр Дархан постоянно враждует с другим якутским вождем Сынагы-баем. Подданные Нюсэра – простые бедняки – страдают из-за этой междоусобицы. Выступает против воинственных устремлений своего отца и сын Нюсэра Киис Берген. В это время в якутских землях появляется чужестранец – русский казак по имени Мартын. Он демонстрирует невиданную силу и умения, завоевывает симпатию якутов и заводит дружбу с батраками Нюсэра. Видя их страдания, Мартын обещает помочь якутам избавиться от ига враждующих вождей. Затем он уезжает,

а в конце пьесы, когда конфликты между Нюсэром и Сынагы-баем и их подданными достигают наивысшего напряжения и грозят перерасти в большое кровопролитие, по реке прибывают русские казаки Мартын и его товарищи, они встают на защиту простого якутского народа. Этот момент знаменует начало новой, мирной и счастливой, жизни якутов.

В драме Михаила Кильчичакова «Ожившие камни» (Тірілген тастар, 1980) [17], посвященной, на первый взгляд, истории дружбы хакаса и русского, воспроизводится советский государственный нарратив о добровольном вхождении хакасского народа в состав Российского государства, которое отсчитывается с 1707 года, года постройки Абаканского острога. Иртен, невесту главного героя Арчолла, похищают джунгары, которые учиняют хакасскому народу немало бед. Хакасские князья на тот момент находятся в разобщенном состоянии: кто-то сотрудничает с джунгарами (князь Хартыга), а кто-то в союзниках для хакасского народа видит только русских (князь Ирнат), поскольку первые не думают о своем народе, а только о собственном благосостоянии, и всячески притесняют свой народ. Так, в пьесе на помощь хакасскому народу приходят русские, союзники князя Ирната. Арчол встречает казацкого толмача Ивашку Красикова, который, к слову, был реальным историческим лицом (его имя значилось в обращении кыргызского князя Еренака к Красноярскому воеводе от 1678 г. [18]). Также вероятно, что прототипом князя Ирната из пьесы может быть историческая личность – князь Еренак (Ереник, Иренек Ишеев). Как оказалось, Ивашка спас мать Арчолла, после чего они становятся близкими друзьями, вместе освобождают невесту Арчолла из плена. А чуть позже хакасы и русские окончательно разбивают джунгаров, однако Арчол погибает в этой битве. Князь Ирнат отправляет письмо Петру I, где сообщает о построении Абаканского острога и просит «многих иноземцев разных родов взять в великое государство Российское» [17, с. 215].

Наиболее заметное место в кругу произведений, возникших на почве дискурса о добровольном вхождении, являются исторические романы об эпохе присоединения сибирских территорий к России, которые были созданы в двух литературах: алтайской и бурятской.

Первый исторический роман в алтайской литературе «Трудные годы» (Кызланду жылдар, другой вариант перевода названия «Грозные годы») Ивана Шодоева [19] вышел в свет в 1967 г., затем при жизни писателя переиздавался еще 3 раза – в 1973, 1984, 1999 гг. Роман посвящен событиям середины XVIII в.: падению Джунгарского ханства, противостоянию алтайцев войскам Цинской империи и вхождению Горного Алтая в состав Российской империи. Ранее джунгарский период в алтайской литературе практически не затрагивался. И. Шодоев воспроизвел подробную историю внутривосточной борьбы за престол Джунгарского государства после смерти Галдан-Церена, пятого правителя хунтайджи Джунгарского ханства (1727–1745). Поэтому в романе очень много исторических личностей того периода: все правители Джунгарского ханства с 1745 года по 1756 гг.; шестой император Империи Цин – Айсиньгьоро Хунли (в романе – Цянь Лун); алтайские зайсаны Омбо, Кулчугай, Наамкы, Бооколы, имена которых фигурировали в письменном обращении 12 зайсанов к русским властям о просьбе принять их в русское подданство из-за угрозы цинского вторжения; русские исторические личности: Кузнецкий воевода Шапочников (в романе – Шапошников) и полковник Павлуцкий. На фоне этих исторических событий алтайские мужчины Карчага, Тукей, Тузаан, Чече, Тёдёкё пытаются спасти свой малочисленный алтайский народ. В ходе создания образов и сюжета своего романа И. Шодоев обратился к алтайскому фольклору, откуда заимствовал сюжеты преданий и некоторых персонажей (Шуну-батыр, Амыр-Санаа, Карчага, Ойрот-каан и др.). Главный герой Карчага до 14–15 лет рос в плену кыргынов (казахов), т. е., когда он был в утробе матери, кыргыны совершили набег на алтайское селение Кайзын-Оозы, ограбили юрты, угнали скотину, а также людей из деревни, в том числе и мать Карчаги. После смерти матери он запланировал побег из плена

и смог вернуться на свою родину – на Алтай, где жили его отец и родная сестра. В это время алтайцы, входившие в состав Джунгарского ханства, готовились к военным столкновениям из-за междоусобных распрей внутри политической элиты Джунгарского ханства после смерти Галдан-Церена. Алтайцы решили держать нейтралитет в этих войнах, но, когда Амыр-Сана, один из претендентов на престол, пришел за помощью к алтайцам, они его не поддержали, разбили войско; после чего Амыр-Сана бежал в Цинскую империю и обратился за помощью к цинскому императору Цянь Луну, давнему врагу джунгар. За этим последовало вторжение цинских войск в Джунгарию, опустошение, разорение земель и геноцид ойратского народа. Если в первом издании Амыр-Сана погибает в Джунгарии от рук цинской армии, то в отредактированном варианте (1984) он понимает, какую роковую ошибку совершил, обратившись за помощью к китайскому императору, и пытается спасти свой народ от истребления. На этот раз он обратился за помощью к русской императрице, которая согласилась взять под свое крыло ойратский народ. Амыр-Сана бежал сначала в Казахстан, а потом в Тобол, где скончался от оспы. Цинская армия продвигалась на Алтай. Тукей, предводитель алтайского войска, сообщает, что алтайцы изъявили желание войти в состав Российской империи, так как это единственная надежда на спасение алтайского народа от цинского вторжения. Женщин, детей и стариков отправили в «земли белого царя», т. е. в сторону современной Алтайской края, вниз по реке Чарыш (Чарас). Алтайцы храбро сражались против многотысячной цинской армии, однако из-за количественного перевеса им пришлось отступить. Раненые алтайцы остались пережидать зиму в тайге Топчыган, а остальные бежали по реке Чарыш вслед за своими соплеменниками и перезимовали на слиянии рек Бии и Катунь. Часть алтайцев, приняв российское подданство, по приказу русской правительницы уже откочевала вниз по Волге. Остальные решили весной вернуться на родину. Карчага, после переговоров с русскими князьями, обращается к алтайцам с речью о том, что теперь они подданные Российской империи, белой правительницы, которая спасла их от истребления. Все алтайцы рады этому событию. Последняя глава посвящена мирной, меняющейся в лучшую сторону жизни алтайцев после вхождения в состав Российской империи.

Роман бурятских писателей Балдана Санжина и Бидии Дандарона² «Путь праведный» (Заяанай зам, 1969) [20] посвящен событиям рубежа XVII–XVIII вв. и основан в первую очередь на фольклоре и исторических хрониках хори-бурят – одной из крупнейших этнических групп в составе бурятского народа, история которой и показана в романе. В то время хоринцы уже приняли российское подданство, однако граница между Россией и соседней Монголией (на тот момент часть Китая) еще не была проведена, и коренные народы этой территории оказались вовлечены в борьбу двух империй. Основная сюжетная линия романа демонстрирует постепенное сближение бурят и русских, установление все более тесных связей между бурятами и Российским государством. На протяжении всего сюжета хори-буряты подвергаются нападениям со стороны монгольских ханов, враждебно настроенных по отношению к России. У главного героя сына хоринского вождя Бадана Туракина разбойники похищают невесту, после чего защита своего народа от нападений чужеземцев становится для него особенно важным делом. Он заводит дружбу с русским казаком Василием Булавиным и с его помощью находит поддержку у местного казачьего начальства. Однако вскоре в острог присылают нового воеводу, которому нет дела до проблем «инородцев». Тогда хоринцы отправляют делегацию к Петру I и просят царя лично вмешаться и обеспечить бурятам защиту от монгольских разбойников. Царь прислушивается к бурятам и назначает нового воеводу – после этого казаки отражают нападение монголов и освобождают невесту Бадана из плена. Затем, чтобы окончательно закрепить позиции России на бурятских землях, по повелению императрицы к бурятам приезжает посол Савва Рагузинский. Он должен заключить с Китаем договор о границе и

² Имя Б. Дандарона было указано только в первом издании романа. В последующем он был репрессирован, и роман переиздавался с указанием только одного автора – Б. Санжина

обеспечить охрану новых территорий. В этом ему помогают буряты, желающие навсегда стать подданными Российского государства и отгородиться от враждебных монголов и китайцев. В финале романа буряты и русские казаки празднуют установление границы – этот момент показан как окончательное объединение бурят с Российским государством. Как и в романе И. Шодоева, в произведении Б. Санжина и Б. Дандарона в числе центральных героев фигурируют фольклорные персонажи (или исторические личности, ставшие героями фольклора): уже упомянутый нами Бадан Туракин, шаманка Абжа-удаган, сопровождавшая делегацию к Петру I и погибшая во время похода, предводитель одного из бурятских родов Шилдэй-занги, который был казнен на границе при попытке перейти с китайской стороны на российскую.

Отметим также ряд стихотворных текстов, которые составляют периферийную часть литературного дискурса о добровольном вхождении в состав России. В отличие от рассмотренных выше, эти произведения не представляют собой последовательного изложения национальной истории в период присоединения Сибири к России, однако транслируют те же представления о прошлом народов Сибири.

К таким текстам в первую очередь можно отнести поэмы, посвященные фольклорным героям, легендарные деяния которых в советское время было принято интерпретировать как проявление «пророссийской» позиции.

В поэме бурятского писателя Николая Дамдинова «Возвращение батыра. Песня про Шилдэя Занги» (Шэлдэй занги тухай дуун, 1965) [21] рассказывается биография этого легендарного героя в интерпретации автора. В поэме Шилдэй – выдающийся бурятский родоначальник, принявший российское подданство. Однажды он узнает, что у его отца в Монголии был побратим. Отцы завещали своим сыновьям продолжить их дружбу. Тогда Шилдэй отправился в Монголию, но там его задерживают маньчжурские пограничники. Они требуют у него перейти под власть своего императора, но Шилдэй не может предать родину, и его казнят. В конце отсеченная голова Шилдэя попадает на российскую сторону границы – так символически герой возвращается на родину.

Цикл стихотворений Б. Бедюрова «Песнопения о Шуну» (Эр-Шуну, 1984) [22], состоящий из 5 частей, посвящен истории популярного у алтайцев фольклорного персонажа, легендарной и исторической личности – Шуну. В цикле повествуется о нелегкой доле Шуну, младшего сына джунгарского царя, народного любимчика, которого несправедливо заключили в джунгарскую темницу. Шуну был вынужден бежать в Россию, где нашел спасение не только для себя, но и для своего народа. «Песнопения о Шуну» и другие стихи этого цикла, согласно приведенной сноске в сборнике «Языческий ковчег», «посвящены 225-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав России» [22, с. 56].

К группе поэтических произведений, связанных с прославлением добровольного вхождения, относятся также стихотворения, сосредоточенные на позитивных последствиях присоединения сибирских народов к России. В них не затрагивается история этого присоединения, но красной нитью проходит мысль о том, что вхождение в состав России принесло народам Сибири различные блага, которыми они не обладали прежде. Например, в стихотворении алтайского поэта Аржана Адарова «Великое кочевье» (Улу көчүш, 1966) [23] алтайский народ уподобляется потерявшимся малым детям, которые, блуждая тысячелетиями, наконец, находят пристанище, родину – Россию, где обрели стабильность и смысл жизни. В другом стихотворении [24], опубликованном в 1977 году, А. Адаров прославляет деяния русского народа, который, жертвуя своими жизнями, отправившись на «край земли», принес «могучий язык», «свободу», «свет и дружбу» алтайскому народу. Распространены были стихотворения, прославляющие Россию и дружбу ее народов – например, «Дружба навеки» (Мөнгүликке најылык) Байрама Суркашева [25] и «Россия» Аржана Адарова [26], опубликованные в сборнике «Жылдыс» («Звезда») в 1981 г., когда праздновалась очередная годовщина вхождения алтайского

народа в состав России, «Наша Россия» (Манай Росси) бурятского поэта Владимира Петонова [27]. В стихотворении Б. Суркашева Россия представлена как большая, великая страна, которая приютила у своего подола («Эдегинде кырларда эптү жадырыс» – «У твоего подола, в горах, хорошо живем» [25]) алтайский народ, показала праведную дорогу в большую светлую жизнь, наполненную высокими идеалами. Продолжая идею одной большой семьи, А. Адаров в стихотворении «Россия» представляет Россию как мать алтайского народа, она говорит с алтайским народом на алтайском языке, а с помощью дара в виде русского языка открывает дверь в огромный мир. Те же мотивы мы обнаруживаем и в стихотворении бурятского автора, который благодарит Россию за развитие своего народа. Широко известно стихотворение якутского поэта Семена Данилова «Мой русский язык» (Нууччалы мин билиим) [28], в котором русский язык рассматривается как великий дар, помогающий получить доступ к мировой культуре. В силу немалого количества подобных стихотворений перечислить их все здесь было бы трудно, поэтому мы ограничимся приведенными выше показательными примерами.

Роль фольклорных традиций и документальных источников в генезисе произведений о присоединении к России

Интересно, что некоторые авторы, воплощая идеологизированный взгляд на национальную историю, обходят стороной конкретные исторические факты и создают обобщенно-символические образы прошлого, в то время как другие, наоборот, стараются опираться на документально подтвержденные события. Здесь тоже прослеживается тесная связь с политическим дискурсом эпохи: события, к которым апеллируют авторы рассматриваемых текстов, в то время стали рассматриваться именно как доказательства дружественных связей между народами Сибири и Российским государством. Сюда относятся поход к Петру I и установление границы, описываемые в текстах бурятских авторов, письмо 12 алтайских зайсанов о принятии их в российское подданство, упоминаемое в романе И. Шодоева «Трудные годы», обращения хакасских правителей к Петру I, фигурирующие в произведениях М. Баинова и М. Кильчицакова. Вплетение в канву художественного повествования реальных фактов, по всей видимости, должно было усиливать ощущение достоверности и обеспечивать легитимность создаваемого национально-исторического нарратива. Эффектом достоверности можно объяснить и прямое цитирование архивных документов в некоторых произведениях: например, письмо хакаского князя Еренака к красноярскому воеводе, которое в пьесе «Ожившие камни» представлено как письмо князя Ирната к Петру I [17], и письмо посла Саввы Рагузинского Екатерине I, которое его персонаж в романе «Путь праведный» цитирует в своем обращении к бурятам [20].

Наряду с историческими фактами и документами своеобразным средством легитимации и обоснования советского исторического нарратива мог служить фольклор. В рассмотренных нами текстах неоднократно встречается обращение к фольклорным сюжетам, которые в советском дискурсе были интерпретированы как истории о дружбе коренных народов с Россией. Таковы алтайские предания о Шуну, бурятские предания о походе к Петру I, установлении границы и гибели Шилдэй-занги. Наряду с ними были востребованы и предания, которые можно было использовать в качестве иллюстрации причин, побудивших народы Сибири искать российского покровительства: алтайские, бурятские и хакаские предания о конфликтах с соседними монгольскими народами и маньчжурами, якутские предания о жестоком вожде Тыгыне и устроенных им междоусобицах. Обращение к фольклору позволяло советским авторам позиционировать свои тексты как продолжение народной традиции, хотя в действительности эта традиция отражалась в литературе лишь фрагментарно. Сюжеты, созвучные официальному нарративу, активно использовались, в то время как противоречащие ему народные предания вытеснялись из национальной памяти. Например, в те же годы были

раскритикованы попытки алтайских и хакасских писателей создать произведения о легендарном герое Канза-бие, который, согласно преданиям, выступил против русских и был заключен ими в тюрьму [12]. По той же причине в пьесе И. Гоголева «Серебряное стремя» имя легендарного героя Тыгына было заменено на вымышленное «Нюсэр»: в советское время Тыгын Дархана считали отрицательным персонажем истории, представителем «антинародной», «эксплуататорской» части якутского общества, поэтому его упоминание в пьесе было недопустимо.

Заключение

Под влиянием советской политики памяти в национальных литературах Сибири возник целый комплекс текстов о присоединении к России, различных по своему жанру, стилистике, объему, но объединенных общим идейным полем, коррелирующим с теми идеями, которые высказывались в научных и публицистических текстах на ту же тему. Центральное место в них занимает идея добровольного вхождения сибирских народов в состав России, которое принесло им различные блага и стало основой дальнейшего национального развития.

Впрочем, было бы чрезмерным упрощением считать все перечисленные нами произведения исключительно продуктом пропаганды, преследующим цель закрепить в сознании сибирских народов новые представления об их национальном прошлом. В действительности проникновение государственного нарратива в художественный текст зачастую могло быть результатом компромисса между авторским замыслом и требованиями цензуры. Ведь, как уже отмечалось выше, обращение к национальным темам вне контекста «дружбы народов» сразу маркировалось как проявление вредного национализма. Поэтому авторы, решившие освещать раннюю историю своего народа, были вынуждены в той или иной степени следовать схеме, заданной государственной политикой памяти. Особенно ярким примером такого вынужденного слияния авторской точки зрения с государственной может служить история пьесы И. Гоголева. Ее первая версия подверглась критике за то, что автор сосредоточил внимание на «националистическом» герое Тыгын Дархане, использовал предания о его борьбе с русскими. После этого писатель создал новую версию пьесы (которую мы и рассматриваем в настоящей статье), где, помимо изъятия имени Тыгына, усилена роль русского казака Мартына и сделан акцент на зарождении дружбы между якутским и русским народами [29]. Восприятие данных произведений в национальной культуре также указывает на то, что их смысл не всегда исчерпывается идеологически обусловленным нарративом. Нередко они служат наиболее доступным источником знаний по истории коренных народов, например, роман И. Шодоева «Трудные годы» и в постсоветский период считают книгой, заменяющей учебник истории алтайцев [30]. Таким образом, «спущенный сверху» нарратив не обязательно составляет главную часть этих произведений, но так или иначе он нашел в них свое отражение, что и позволяет нам рассматривать эти сочинения как некий гипертекст, сформировавшийся вокруг темы присоединения к России и отразивший соответствующую тенденцию политики памяти данного периода.

Л и т е р а т у р а

1. Дюришин, Д. Теория сравнительного изучения литературы / Д. Дюришин. – Москва : Прогресс, 1979. – 317 с.
2. Ассман, Я. Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О. Ю. Малинова // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2019. – № 9. – С. 285–312.
4. Тихонов, В. В. «Деколонизация» истории народов СССР в советской историографии (1920–1930) / В. В. Тихонов // *Quaestio Rossica*. – 2024. – Т. 12. – № 1. – С. 193–208.

5. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы : идеология и практика / Д. А. Аманжолова, К. С. Дроздова, Т. Ю. Красовицкая, В. В. Тихонов. – Москва : Новый Хронограф, 2021. – 576 с.
6. Tillet L. The Great Friendship: Soviet Historians on the non-Russian Nationalities. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1969:468.
7. Романов, Д. А. «Сибирское взятие» или добровольное вхождение : присоединение Сибири к России в отечественной историографии / Д. А. Романов // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2020. – № 2 (2). – С. 20–28.
8. 250 лет вместе с великим русским народом / редкол. : К. Ф. Антошин, С. П. Ултургашев (отв. ред.) ; Хакас. науч.-исслед. ин-т яз. литературы и истории. – Абакан : Хакасиздат, 1959. – 240 с.
9. 300 лет нерушимой дружбы : сб. ст. / редкол. : Д. Ц. Цыремпилов, К. Е. Маслов, Д. Д. Лубсанов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. – 240 с.
10. 325 лет вместе с русским народом : 1632–1957 / редкол. : И. И. Варламов и др. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1957. – 212 с.
11. Великая дружба. 200 лет добровольного вхождения алтайцев в состав России / редкол. : М. Ф. Саруева (отв. ред.), З. Ф. Бурковский, К. И. Козлов, Н. И. Тодошев, А. Ф. Чепрасов. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское книжное издательство, 1956. – 167 с.
12. Вопросы развития алтайского языка и литературы (Материалы научной конференции 1951 года) / редкол. : С. С. Суразаков (отв. ред.), Т. М. Тошакова, П. В. Тадыев, М. Г. Тозыяков [и др.]. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское книжное издательство, 1954. – 123 с.
13. Намсараев, Х. Сказание о великой дружбе / Х. Намсараев // Свет над Байкалом. – 1955. – № 2. – С. 5–9.
14. Баинов, М. Р. Я пришёл к тебе : стихи и поэмы / М. Баинов ; пер. с хакас. С. Поликарпова. – Москва : Советский писатель, 1966. – 54 с. (на хакас. яз.).
15. Балдано, Н. Г. Избранное : Пьесы / Н. Г. Балдано. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1973. – 368 с.
16. Гоголев, И. Серебряное стремя / И. Гоголев // Полярная звезда : литературно-художественный и общественно-политический журнал. – 1974. – № 1. – С. 7–86.
17. Кильчичаков, М. Е. Ожившие камни / М. Е. Кильчичаков. – Москва : Современник, 1983. – 222 с.
18. Бутанаев, В. Я. Материалы по истории Хакасии XVII–начала XVIII вв / В. Я. Бутанаев, А. Абдыкалыков. – Абакан : Хакасское книжное издательство, 1995. – 258 с. (на алтай. яз.).
19. Шодоев, И. В. Кызаланду жылдар / И. В. Шодоев. – Горно-Алтайск : Алтай бичиктер чыгарар издательствозынын Туулу Алтайдагы бөлүги, 1984. – 278 с.
20. Санжин, Б. С. Путь праведный / Б. С. Санжин ; пер. с бурят. М. Степанова. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1986. – 272 с. (на бурят. яз.).
21. Дамдинов, Н. Г. Избранное / Н. Г. Дамдинов. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1976. – 395 с.
22. Бедюров, Б. Я. Языческий ковчег : стихи / Б. Я. Бедюров. – Москва : Современник, 1984. – 175 с.
23. Адаров, А. Кочевники : стихи / А. Адаров. – Москва : Советский писатель, 1969. – 88 с.
24. Адаров, А. Я их скажу, высокие слова... / А. Адаров // Человек богат человеком : антология дружбы. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1977. – С. 127.
25. Суркашев, Б. Мёнкүликке најылык / Б. Суркашев // Жылдыс. – 1981 : Литературно-художественный жуунты. – Горно-Алтайск : Алтай бичиктер чыгарар издательствозынын Туулу Алтайдагы бөлүги, 1981. – С. 5–6. (на алтай. яз.).
26. Адаров, А. Россия / А. Адаров // Жылдыс. – 1981 : Литературно-художественный жуунты. – Горно-Алтайск : Алтай бичиктер чыгарар издательствозынын Туулу Алтайдагы бөлүги, 1981. – С. 3–4. (на алтай. яз.).
27. Петонов, В. Шэлэгдэмэл зохёлнууд. 2 боти / В. Петонов. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2012. – 208 с.
28. Данилов, С. П. Белая ночь / С. П. Данилов. – Москва : Правда, 1968. – 31 с.
29. Сергеева, М. И. Иван Гоголев «Туймаада сарсыардата» трагедията суруллуутун историята (варианнарын текстологической ырытыгы) / М. И. Сергеева // Проблемы творчества И. М. Гоголева-Кындыл : поэзия, проза, драматургия. – Якутск : Изд-во ИГИ АН РС (Я), 2004. – С. 156–177. (на якут. яз.).

30. Киндикова, Н. М. Судьба родного народа в прозе летописца / Н. М. Киндикова // ЗвездаАлтая. – 2014. – № 221 (20468). – С. 4.

References

1. Durishin D. Theory of comparative study of literature. Moscow: Progress, 1979. (in Russ.)
2. Assman Y. Cultural Memory and Early Civilisation: Writing, Remembrance, and Political Imagination. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. (in Russ.)
3. Malinova OYu. Memory politics as an area of symbolic politics. METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines, 2019;(9):285–312. (in Russ.)
4. Tikhonov VV. “Decolonisation” of the history of the peoples of the USSR in Soviet historiography (1920–1930). Quaestio Rossica, 2024;12(1):193–208.
5. Amanzholova DA, Drozdova KS, Krasovitskaya TYu, et al. Soviet national project in the 1920-1940s: ideology and practice. Moscow: Novyy Chronograph, 2021. (in Russ.)
6. Tillett L. The Great Friendship: Soviet Historians on the non-Russian Nationalities. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1969.
7. Romanov DA. “Siberian capture” or voluntary entry: the annexation of Siberia to Russia in domestic historiography. Tula Scientific Bulletin. Series History. Linguistics, 2020;2(2):20–28. (in Russ.)
8. Antoshin KF, Ulturgashev SP. (eds.) 250 years together with the great Russian people. Abakan: Khakknigoizdat, 1959. (in Russ.)
9. Tsyrempilon D, Maslov KE, Lubsanov DD. (eds.) 300 years of unbreakable friendship: collection. Ulan-Ude: Buryat book publishing house, 1959. (in Russ.)
10. Varlamov II. (ed.) 325 years together with the Russian people: 1632-1957. Yakutsk: Yakut book publishing house, 1957. (in Russ.)
11. Sarueva MF, Burkovsky ZF, Kozlov KI, et al. (eds.) Great friendship. 200 years of voluntary entry of Altaians into Russia. Gorno-Altai: Gorno-Altai Book Publishing House, 1956. (in Russ.)
12. Surazakov SS, Toshchakova TM, Tadyev PV, et al. (eds.) Issues of development of the Altai language and literature (Proceedings of the scientific conference of 1951). Gorno-Altai: Gorno-Altai Book Publishing House, 1954. (in Russ.)
13. Namsaraev Kh. The Legend of Great Friendship. Light over Baikal, 1955;(2):5–9. (in Russ.)
14. Bainov MR. I came to you: poems. Moscow: Soviet writer, 1966. (in Khakass.)
15. Baldano NG. Selected works: Plays. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1973. (in Russ.)
16. Gogolev I. Silver stirrup. Polar Star: literary, artistic and socio-political magazine, 1974;1:7–86. (in Russ.)
17. Kilchichakov ME. Revived stones. Moscow: Sovremennik, 1983. (in Russ.)
18. Butanaev VYa, Abdykalykov A. Materials on the history of Khakassia in the 17th–early 18th centuries. Abakan: Khakass Book Publishing House, 1995. (in Altai.)
19. Shodoev I. Tough years. Gorno-Altai: Gorno-Altai branch of the Altai Book Publishing House, 1984. (in Altai)
20. Sanzhin BS. The Righteous Path. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1986. (in Buryat.)
21. Damdinov NG. Selected works. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1976. (in Russ.)
22. Bedyurov BYa. Pagan Ark: poems. Moscow: Sovremennik, 1984. (in Russ.)
23. Adarov A. Nomads: poems. Moscow: Soviet writer, 1969. (in Russ.)
24. Adarov A. I will say the lofty words... In: Man is rich in man: an anthology of friendship. Gorno-Altai: Gorno-Altai branch of the Altai Book Publishing House, 1977:127. (in Russ.)
25. Surkashev B. Friendship forever. Diyldys – 1981. [Literary and artistic collection]. Gorno-Altai: Gorno-Altai branch of the Altai Book Publishing House, 1981:5–6. (in Altai)
26. Adarov A. Russia. In: Diyldys – 1981 [Literary and artistic collection]. Gorno-Altai: Gorno-Altai branch of the Altai Book Publishing House, 1981:3–4. (in Altai)
27. Petonov V. Selected works. Ulan-Ude: Publishing House OJSC “Republican Printing House”, 2012;2. (in Buryat)
28. Danilov SP. White Night. Moscow: Pravda, 1968. (in Russ.)

29. Sergeeva MI. The creative history of Ivan Gogolev's tragedy "Morning of Tuymaada" (textual analysis of variants). Problems of creativity of I.M. Gogoleva-Kyndyl: poetry, prose, drama. Yakutsk: Publishing House of the Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Sakha Republic, 2004:156–177. (in Yakut)

30. Kindikova NM. The fate of the native people in the prose of the chronicler. Altai Star, 2014;221(20468):4. (in Russ.)

ИСАКОВ Александр Викторович – м. н. с., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

E-mail: alexandr_isakov98@vk.com.

Aleksandr V. ISAKOV – Junior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

МОДОРОВА Ай-Тана Павловна – аспирант, Томский научный центр СО РАН.

E-mail: aitanamood@gmail.com.

Ay-Tana P. MODOROVA – Postgraduate Student, Tomsk Scientific Center SB RAS.